

МЕМОРАТЫ И СЕМЕЙНЫЕ ФОТОГРАФИИ РУССКИХ ТРЁХРЕЧЬЯ: СЕМЕЙНО-РОДОВЫЕ ОСНОВЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Memorats and Family Photos of Russians of the Three Rivers:
Family-Generic Foundations of Historical Memory

Анна Анатольевна Забияко
sciencia@yandex.ru

Амурский государственный университет (АмГУ) (Благовещенск, Россия)

Андрей Павлович Забияко
sciencia@yandex.ru

Амурский государственный университет (АмГУ) (Благовещенск, Россия)

Чжан Жуйян
358860148@qq.com

Амурский государственный университет (АмГУ) (Благовещенск, Россия)

Anna A. Zabayako
sciencia@yandex.ru

Amur State University (AmSU) (Blagoveshchensk, Russia)

Andrey P. Zabayako
sciencia@yandex.ru

Amur State University (AmSU) (Blagoveshchensk, Russia)

Zhang Juyang
358860148@qq.com

Amur State University (AmSU) (Blagoveshchensk, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 13.05.2019

Fecha de evaluación: 04.11.2019

Cuadernos de Rusística Española n° 15 (2019), 293 - 304

РЕЗЮМЕ

Основной целью исследования является реконструкция значимых сторон семейно-родовой и этнической культуры особой этнолокальной группы русских – русских Трёхречья (Внутренняя Монголия, КНР). Источником реконструкции выступают аудиовизуальные комплексы (устный рассказ, нарратив, сопровождающий демонстрацию семейного фотоархива). В этнолокальной группе русских Трёхречья мемораты и семейные фотоархивы сохранили в китайской среде тесную связь с русской традицией нарративизации и экспонирования семейных фотоколлекций: они особенно значимы как визуальная фиксация исторической памяти и основа этнической идентичности. Гендерные составляющие повествования о семейном прошлом и гендерные фотографические образы семейной группы в этнокультурных условиях Трёхречья раскрывают общие закономерности функционирования меморатов в этническом контексте и выявляют специфику функционирования нарративов, обусловленную особенностями культуры.

Ключевые слова: русские Трёхречья; мемораты; семейные фотографии

ABSTRACT

The main goal of the study is the reconstruction of significant aspects of the family-clan and ethnic culture of a special ethnolocal group of Russians – Russians of the Trekhrechy (Sanhe district, Inner Mongolia, China). The source of the reconstruction is the audio-visual complexes (oral story, narrative, accompanying the demonstration of the family photo archive). In the ethnolocal group of Russians of the Trekhrechy, memorials and family photo archives retained in the Chinese environment a close relationship with the Russian tradition of narrativization and the display of family photo collections: they are especially significant as a visual fixation of historical memory and the basis of ethnic identity. The gender components of the family past narrative and the gender photographic images of the family group in the ethno-cultural conditions of the Trekhrechy reveal the general patterns of the functioning of memorials in an ethnic context and reveal the specifics of the functioning of narratives, due to the characteristics of culture.

Keywords: Russians, Trekhrechy, memorials, family photos

ВВЕДЕНИЕ

В фольклористике, культурной антропологии и смежных гуманитарных науках уже достаточно давно сформировался устойчивый интерес к фото- и видеодокументам (фильмам) как способу фиксации этнокультурных реалий и объекту исследования визуальных аспектов культур. Изучение аутентичных культурным традициям визуальных образов и создание этнографических фотографических коллекций, фильмов положило начало визуальной антропологии – плодотворно развивающейся области современной науки, в пределах которой фольклористика, этнология, фото- и видеодокументалистика тесно переплетаются. Не вдаваясь в дискуссии по поводу объектов визуальной антропологии, отметим, что наряду со многими визуальными объектами, запечатлевающими этнокультурные реалии, большое значение имеют семейные фотодокументы и фотоархивы. Семейные фотографии и фотоархивы являются для многих людей важным способом фиксации индивидуальной и семейно-родовой памяти, а также её трансляции во времени и межпоколенном пространстве. Для исследователей они выступают информативным источником изучения не только индивидуально-семейных историй, но и многих важных сторон этнических культур.

Во многих случаях семейные фотографии связаны с устной информацией, которая имеет вид ситуативно возникающего повествования, нарратива. В такой ситуации визуальные образы фотографии соединяются с вербальным нарративом, меморатом, образуя единый вербально-визуальный дискурс. Для изучения фольклора и в целом культуры такие аудиовизуальные тексты имеют большую ценность.

Цели, задачи, источники и методы исследования. Основной целью отражённого в статье исследования является научная реконструкция значимых сторон семейно-родовой и этнической культуры особой этнолокальной группы русских – русских Трёхречья (Внутренняя Монголия, КНР). В задачи исследования входит изучение нарративизации семейных фотодокументов, выявление основного содержания аудиовизуальных текстов, представленных в семейных фотоархивах и меморатах русских Трёхречья, функций этих текстов в семейно-родовой и этнокультурной традиции. Основным источником исследования являются полевые материалы четырёх фольклорно-этнографических экспедиций (2014–2018 гг.) в местах компактного проживания русских в Северо-Восточном Китае (Внутренняя Монголия) – городах Лабдарин (Эргуна), Хайлар, деревнях Драгоценка (Саньхэ),

Дубовая, Ключёвая, Караванная (Эньхэ), Ершишная (Саньян), Гитара, Олочи (Шивэй), Покровка (Шан-Кули-2). В качестве источников нами использовались прежде всего фотоколлекции 7 семей: Анны Первоухиной и Ивана Дементьева; Варвары Ушаковой; Маруси Дементьевой, Володи Башурова, Василия Зоркальцева, Александра (Шуры) Чешнова, Ивана Васильева. При сборе материала мы обращали особое внимание на последовательность расположения фотографий и логику воспоминаний. Полевой материал собран методами интервьюирования респондентов, включённого наблюдения, видео- и фотофиксации, аудиозаписи нарративов с последующей камеральной обработкой. Интерпретация полевых материалов (записей информантов, копий фотоархивов, других) осуществлялась прежде всего методами текстологической реконструкции и источниковедческого анализа.

СЕМЕЙНЫЕ МЕМОРАТЫ И ФОТОГРАФИИ – ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКИХ ТРЁХРЕЧЬЯ

Русские Трёхречья – это особая этнолокальная группа, существующая со второй половины XIX в. до настоящего времени в условиях тесного этнического взаимодействия русских и китайцев, а также других нерусских этнических групп (монголов, дауров) на правом берегу р. Аргунь, в междуречье трёх рек – Ган, Дербул и Хаул. История этой этнолокальной группы, особенности её культуры в настоящее время уже достаточно полно описаны в публикациях, в том числе в работах В.Л. Кляуса (2015), в монографии авторов статьи (Забияко 2017). Ранее авторы обращались к изучению семейных меморатов русских Трёхречья, рассматривая их как одну из основ этнической идентификации и сохранения исторической памяти (Забияко 2016). В ходе полевых исследований была собрана фольклорно-этнографическая база данных, частью которой являются семейные фотографические коллекции и записи – устные комментарии информантов к фотографиям, отражающие процесс нарративизации визуальных образов и фольклоризации (Забияко 2017). Комментарии к семейным фотографиям представляют собой разновидность меморатов, которая в особенности важна в культурном контексте русского Трёхречья.

В жизни трёхреченцев семейные фотоколлекции играют совершенно особенную роль. В них включаются циклы семейных фотографий (коллажи, фотогалереи), расположенные в больших рамах на стене, либо композиции из семейных фотографий, помещённых в отдельных рамках на стене, а также семейные альбомы и их аналоги (коробки с семейными фотографиями). Отношение русских Трёхречья к семейным фотоколлекциям отличается от отношения к ним китайского (ханьского) окружения.

Как подчеркивают Фэн Хуан (1982), Линь Цзин (2015), в ханьской среде в центральных районах КНР традиция фотографирования семей стала распространяться в начале 1920-х годов. Опрос китайцев (ханьцев), ровесников наших респондентов, из разных провинций Китая показал, что в ханьских семьях начала XX в. не было традиции вывешивать фотографии родственников в раме на стену, во-первых, из-за дороговизны фотографирования в ателье и отсутствия фотоаппаратов в личном пользовании, во-вторых, потому что родовая память исторически сохранялась в фамильных табличках. Мода вешать фотографии на стене в китайских семьях

появилась, навеянная советской традицией, только с середины 1960-х гг., и была кратковременна (интервью с семьей Чжан, пр. Хэнань, декабрь 2018 г.; семьей Цзюй, пр. Хэйлунцзян, ноябрь 2019 г., семьей Чжоу, пр. Цзилинь, январь 2019 г.). Когда мода на настенные фотографические коллекции распространилась среди ханьского населения, она следовала обязательному правилу – вывешивать в композициях «парадные коллективные снимки», отражающие участие членов семьи в партийных и иных съездах разного уровня, поездки в столицы или на юг, свадебные постановочные фотографии. Примечательно, что выставлять фотографии похорон в китайских домах было не принято. Позднее, в начале 2000-х гг., по мере роста благосостояния, идеологизации и перемен, в стиле домашних интерьеров в китайских квартирах обстановка менялась, недолгая приверженность «парадным» снимкам угасла, фотографии были сняты со стен и заняли место в альбомах. Сейчас мы практически нигде не встретим в китайском (ханьском) домашнем интерьере настенных семейных фотографий. Извлечение семейных фотографий на свет, публичное демонстрирование альбомов и устные комментарии к ним как к источнику семейной памяти не имеют широкого распространения. Постепенно и сами альбомы с семейными фотографиями в ханьской среде исчезают, уступая место индивидуализированным «селфи» в оболочках цифровых технологий.

Иное отношение к фотогалереям складывалось у населения русского Трехречья, которые наследовали, в первую очередь, русскую традицию. Русское Трехречье, в первую очередь, представляет собой наследие крестьянской культуры русских переселенцев конца XIX – начала XX вв. и их потомков-полукровцев. В.П. Чистякова указывает (2012), что в России со времени, когда фотография стала доступной простому народу, в русских семьях семейные фотографии, выполненные весьма качественно, выставлялись как украшение скромного интерьера крестьянской избы. В Трехречье с развитием индустрии фотографии в 1930–50-е гг. снимков в деревенских домах стало больше, их стали размещать в виде коллажей на стене в большой раме (очевидно, и эта мода также была усвоена из сельской культуры дореволюционной России).

Судя по наблюдениям исследователей российских домашних фотоколлекций (Круткин 2009: 119), «любые домашние снимки – финальная часть ритуала презентации – нечто вроде комплимента: мы не просто считаем предмет красивым, но делаем об этом заявление». Фотогалереи русских потомков Трехречья отражают их родовое чувство, неотделимое от эстетического:

Интервьюер: Поясните, пожалуйста, какая разница между фотографиями на стене и фотографиями в альбоме? И почему все в одной раме на стене?

Анна: Нет разницы. Только выбрали красивые и повесили на стену. А в альбоме – так тоже можно сохранять.

Интервьюер: А почему вы много повесили на стену в одной раме?

Анна: Почему повесила на стену? Красивые! Откуда взять много рамок со стеклами для каждой фотографии?

Интервьюер: А когда вы стали вывешивать фотографии на стену?

Анна: Ай, старшие поколения все так делали. Как моя мама – так вешала, лаолао (мама мамы) тоже вешала фотографии на стене. Кто-то потом [из трехреченцев у себя дома. – Авт.] снимал фотографии... А я – нет, считаю, что

так красиво. Они говорят, что уже не модно. Потому что появились альбомы, в которых все сохраняют. Но я говорю, что в альбомах никому не видно. Зачем в альбом класть? А сейчас мы все снова стали вешать на стену – для туристов» (пер. с кит.) [Анна Первоухина, 朱玉花, Zhu Yuhua, Чжу Юйхуа, 1953 г. р.]

«Раньше все вешали на стену. Когда мама была, она на стену повесила картины, повесила фотографии, это привычка русских» (пер. с кит.), – уверена Варвара Ушакова [辛桂云, Xin Quiyun, Син Цюйянь, 1945 г. р.]

Трёхреченские собеседники, знакомившие авторов статьи с семейным фотоархивом, осознают важность семейного фотоархива и связанной с ними семейной памяти не просто для личной истории и истории семьи, но также для истории русской народности в Китае: *«В нашей семье не потеряли ни одной фотографии, а кто-то бросал –... такие красивые фотографии! А мы всё сохранили. Как у семьи Кости, у них тоже всё есть, всё сохранили. Фото моего дяди из Советского Союза тоже есть у них» (пер. с кит.) [А. Первоухина].*

Следует заметить, что многие русские Трёхречья сохранили семейные фотографии несмотря на тяжелейшие испытания, выпавшие на их долю в годы Великой культурной революции. Тогда большинство потомков русско-китайских браков, до 90%, были объявлены властями представителями захватнической, колониалистической политики России, носителями чуждой культуры, «советскими шпионами» и родственниками уехавших в СССР нынешних врагов, «ревизионистов». Внесудебные расправы, пытки, убийства и каторжный труд в течение нескольких лет были повседневной реальностью. Всё русское – уклад жизни, язык, традиционная русская одежда, мебель, книги, иконы уничтожались бесчинствовавшими в трёхреченских деревнях хунвэйбинами, цзаофанями и другими активистами. *«До сих пор нельзя за границей рассказывать про это: в культурную революцию пожгли эти старые фотографии. Поэтому мало осталось. Особенно наше старшее поколение, которое из России приехало и привезло много фотографий своих старших поколений или фотографии родственников. Это был символ их «связи с иностранцами» в культурную революцию. Поэтому мало сохранили, многое пожгли. Очень жаль» (пер. с кит.), – делится воспоминаниями Володя Башуров (尹宗兴, Yin Zongxing, Инь Цзунсин, 1947 г. р.). Однако сожжены были не все семейные фотографии: их, как и иконы, прятали, рискуя собственной жизнью. Поэтому тот же В. Башуров подтверждает: «Это [семейные фотографии] раньше так было, от предков. У каждого в нашей семье, все вешали фотографии на стене, и сейчас есть праотцовские, есть старые и новые» (пер. с кит.). Для многих русских Трёхречья фотографии родственников были и остаются семейной реликвией.*

МЕМОРАТЫ ПО ФОТОГРАФИЯМ КАК ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Фотографии из семейного прошлого – это «визуальное измерение общего исторического знания, семейного, родового, локального... Дело не только в том, что запечатлено на снимке. Обычно в семейной традиции фотографии рассматриваются и комментируются (в случае семейных праздников, например, когда собираются

родственники), и эти рассказы могут транслироваться от поколения к поколению... Когда человек, причастный к изображённому миру, смотрит на фотографию, память активизируется, и контексты, в снимке не отражённые, восстанавливаются. С уходом носителей такой памяти наследникам альбомов остаются только изображения», – считают, в частности, В. Ф. Лурье и О. Р. Николаев (2011: 71). Для русских Трёхречья семейные фотографии как визуальная фиксация исторической памяти особенно значимы.

Так как наши беседы по фотоальбомам происходили уже спустя много времени после их собирания, в фотографических нарративах отражается возрастная опыт наших более чем 70-летних информантов. Собираение, систематизация, хранение и публичная демонстрация семейных фотоколлекций, сопровождаемая устным комментарием (нарративизация), позволяют трёхреченцам вновь пережить эффект общности с членами «большой» семьи. Необходимо помнить, что наши собеседники не пишут и не читают по-русски, их дети с трудом понимают русский язык, внуки не говорят по-русски вообще. Значение композиций фотографий в альбомах трёхреченцев (неграмотных либо имеющих 2–4 класса китайской школы) можно уподобить значению линейной письменности. Эти снимки запечатлевают время в историческом ракурсе последовательности событий. Нарративизация циклов фотографий этому способствует.

В доме Ивана Дементьева [果富贵, Quo Fugui, Цю Фуцуй, 1945 г. р.] семейных фотографий много: они висят в рамках на стене, стоят на старомодном комод, лежат в альбоме. Иван по паспорту китаец, неграмотный. Его бабушка во время Гражданской войны пришла с четырьмя детьми из России (Нерчинский завод), вышла замуж за китаец. Мать тоже в 16 лет вышла замуж за китаец. Иван родился в деревне Караванной. Он с удовольствием показывает фотографии, охотно их комментирует.

Интервьюер: *Вот я вижу, Ваша мама чисто русская?*

Иван: *Правильно.*

Интервьюер: *Как её звали?*

Иван: *Они все её звали Татьяна, Татьяна.*

Интервьюер: *А Ваш отец?*

Иван: *Отец – ханец, из Хэбэй, его зовут Го Пин.*

Интервьюер: *Говорят, все ханьцы сюда приехали с друзьями за золотом?*

Иван: *Чжан Цзолин¹ и У Дашиошэтоу (У Цзююньшэн²), они в Хэбэй вербовали солдат, из каждой семьи обязательно уходил один в солдаты. У меня отец холостой, а его старший брат (сын дяди) женился, потому только мой пошёл.*

1. Чжан Цзолин (кит. упр. 张作霖, пиньинь: Zhāng Zuòlín, имел прозвище Юйтин雨亭, 19 марта 1875 г. – 4 июня 1928 г.) – военный и политический деятель Китая. В молодости был бандитом, но с 1902 г. перешёл на сторону правительства и стал командовать кавалерийским отрядом. После Учанского восстания остался верен династии Цин, стал заместителем начальника военного отдела Фэнтяньского общества охраны государства и народа и нанёс удар по революционным силам.

2. У Цзююньшэн (пиньинь: Wu Junsheng, Wu Tsi-cheng, кит.: 吴俊陞; 11 октября 1863 г. – 4 июня 1928 г.) – генерал Фэнтяньской клики и командир кавалерии.

В то время была война милитаристов, если нашли дезертиров, сразу убивают, у меня отец – он был патрульный в поезде, ловил дезертиров. И в то время часто убивали дезертиров, а отец – простой, он никак не мог привыкнуть к этому, он тихо убежал, на поезде убежал в Хайлар. Это из Харбина или Ляонина, старые милитаристы трёх северо-восточных провинций [воевали]. Когда приехал в Хайлар, он жил на постоялом дворе, а там ещё жили люди из Шанси, из Хэбэй (Шанси с Хэбэй граничит). Он там увидел много земляков, есть хэбэйские, есть шансиские, все зовут его «земляк», потому что все рядом. Сначала он работал на постоялом дворе, потом ему нашли работу в монгольской земле [на территории современной Внутренней Монголии]. Раньше [в культурную революцию] меня попросил написать, всё надо было по начальству посылать, много уже забыл. Он работал на монгольской земле, и прилетел самолёт, и начал сбрасывать бомбы, много взорвали молодых людей. Мой отец решил, что здесь тоже опасно. Потому он ушёл из монгольской земли, приехал в Хайлар. А Хайларе вербовали пограничников, хэбэйские земляки с ним познакомились на заставе, он во второй раз поступил солдатом. Мая мама, это бабушка (мама мамы) и дедушка (папа мамы) со Советского Союза [так называет Россию] приехали, ещё 2 дяди (братья мамы). Отец был пограничником, и они с ним познакомились. Потом японцы пришли, застав нет. Он стал простым человеком. ... В то время большинство вдов [русских] с детьми приехали, а они [китайцы] приехали за золотом, а женщины шили одежду на золотом руднике. И потом так друг с другом познакомились (пер. с кит.) [Иван Дементьев].

Другой Иван – Иван Васильев [曲常山, Qu Changshan, Цюй Чаншань, 1923 г. р., Балеи, Россия – 2015 г., Караванная (Эньхэ), Китай] был известным человеком не только в Трёхречье, но и Китае, о нём писали в газетах и книгах. Его отец – китаец был родом из Шаньдуна, откуда из-за голода пришёл в Забайкалье, там женился на русской девушке. Стены комнат дома Ивана украшены многочисленными фотографиями в рамках, в центре одной из фотокомпозиций размещалось фото его родителей.

«Мама – русска, папа – китаец. Мама Анисия Александровна. У меня дедушка Александр плотник был. Три дяди было: Иван, Николай, когда воевали, погибли. С японцами воевали, ближе к Драгоценке, Советский Союз помогал в Китае. <...> Отец искал, где заработать, поехали в Россию они, ехали – доехали до Маньчжурии, уехали в Россию. Их восемь человек было. Вот там жили у русских, работали, как раз это царь с советскими воевали [речь о Гражданской войне. – Авт.]. Вот в армию записались [хозяева], они уехали на прииск [отец], там с матерью пожили, потом в Китай вернулись» (пер. с кит.) [И. Васильев].

Приведённые фрагменты комментариев к семейной фотографии – типичный пример совмещения в меморате частных историй отдельных людей и большой, общей истории. Характерно, что меморат, включая частные истории в общую историю, стандартизирует отдельные судьбы; события индивидуальной жизни становятся неслучайными, закономерно вплетёнными в общую судьбу больших сообществ – земляческих, этнических, и оказываются частью истории страны.

В рамках многочисленных семейных фотографий в доме Ивана Васильева немало снимков его детей, внуков, племянников и другой родни. «У меня шесть сыновей, две дочери» (пер. с кит.), – замечал Иван, указывая на развешенные

фотографии. Часть этой семьи, представленной на снимках, старых и новых, обрела свою судьбу в Китае, другая часть – в России. Иван осознавал себя членом большой русско-китайской семьи, фотографии на стенах были зримым выражением этого миропонимания. Рассказывая о большой семье, этот много проживший и повидавший на своём веку человек одинаково гордился успехами своих родственников, которые выросли в России или Китае, радуясь, что две страны стали для одной семьи родным домом. В избе Ивана на побелённой стене главной комнаты висели не только семейные фотографии и иконы, но и вырезанные из китайских журналов и помещённые в самодельные рамки фотографии Мао Цзэдуна и В. В. Путина. *«Я русский, с китайцами дружба – и как хорошо! ... Зачем воевать! Наш век человек один раз пожить, у их жёны, у их отец-мать, а зачем они повоюют?! Вот каждая держава воюет за своё, вот японцы на нас, Китай, а Германия на Россию. ... Сейчас вот у Китая с русскими договор мирный: как чё бы ни было – помогать, как хорошо – свободно жить нам как братья, чё дуреть? Ни к чему. Я говорю: умные люди проводят это. ... Путин, чё же, не хочет воевать!»* (пер. с кит.) – рассуждал Иван Васильев по поводу фотографий. В душе русского человека, родившегося в русско-китайской семье, два народа, две страны, их прошлое и настоящее соединялись в одно целое. Общая композиция фотографий, совместившая семейную и политическую историю, была для Ивана Васильева символом этой целостности.

Фотографии старших родственников, представляющие антропологические признаки европеоидного, русского населения, являются для потомков русско-китайских браков объективным свидетельством русской идентичности, которую они в большей или меньшей мере считают для себя основной. *«Я – Ерохина Тамара Васильевна. Мама – русска, папа – китаец. Отца Василий звали – китаец. Китаец чистый, я, конечно, – на русску, я на маму похожа...»* (пер. с кит.) (孙翠花, Sun Cuihua, Сунь Цуйхуа, 1936 г.р.). Мать Тамары была родом из Забайкалья, ст. Приаргунской. Она приехала в Китай с семьёй – мамой, родными сёстрами. Отец – крещёный китаец Василий. По паспорту Т. Ерохина – китаянка (хань). Несмотря на запись в паспорте и гражданство, она очень хочет быть похожей на русскую и во внешнем облике, и в образе жизни: её дом – типичная русская изба, во дворе баня, печь для выпечки хлеба, огород.

Русская мама в большинстве семейных рассказов по фотографиям – красивая. *«Мой дедушка тоже через Аргунь её [бабушку] привёз. Все без паспорта тогда, вечером приедут, все почти зимой. А если лето, то на лодочке привезут себе невестов, вот так вот Аргунь, по обеим сторонам. В России тогда было трудно, китайские женихи, бегали на тот берег и невесту привезут. И не надо денег, и не надо свадьбу делать. Китайцы приехали из Китай провинции Хэбей, Шаньдун, там в Китае тоже трудно было, вот они приедут до Харбина и от Харбина, идут пешком сюда, дорог-то не было. Придут, тут леса, трава, сено косят, тут свободно. Дедушка из Гольдучи был, жил зажиточно. Мама была красивая. Три посёлка – Гольдуча, Куна, Ушаковка – недалёко, мама – сама первая красавица»* (пер. с кит.), – рассказывала Ирина Громова (王秀枝, Wang Xiuzhi, Ван Сючжи, 1942 г. р. – 2018 г.), записанная в паспорте как китаянка, хань, но считавшая себя русской.

Русские матери – главные героини семейных меморатов и важнейшие персонажи фотоколлекций. Образы матерей, бабушек и прабабушек доминируют не только в силу общечеловеческого отношения к женщине, подарившей жизнь детям. В семейных меморатах и фотоархивах образ матери – основа русской этничности. Он – бесспорное, на уровне физической антропологии, свидетельство русскости. Следует отметить, что, судя по воспоминаниям трёхреченцев, именно русские женщины чаще всего определяли общий уклад семейной жизни.

Китайские отцы в меморатах и на фотографиях – серьёзные, закалённые лишениями и тяжёлым трудом люди, типичные ханьцы из северных и центральных провинций Китая, ушедшие из родных мест на берега Аргуни в поисках лучшей доли. У Александра Чешнова (刘连吉, Liu Lianji, Лю Лянцзи, 1936 г. р.) отец – китаец, оставивший в 10-х гг. XX в. Шаньдун во время большого голода: *«У них один год кобылки всё объели, ничего не было, они молоды были, знали только, что пойдём на запад, там, может, останемся. Вот или пешком, не было железной дороги. Их было 7–8 молодых парней, 16–18 вот таких лет. В которо место зайдут, работу ищут, найдут, поработают сколь дён, заработают на харчи, опять идут. Тогда не было границы, не закрывали, так они дошли до Союзу [до России. – Авт.]. В Союз, когда зашли, ушли которы золото мыть, которы в работники ушли. Мой отец-то кирпичи жёг, которым работать не охота, поступили служить. Тогда большики брали китайцев, служили. Тогда уж пошла революция, красна с белыми воевали. Он там-то кирпичи жёг, продавал, остались деньги, он там лавочку открыл. Жил хорошо там. Потому-ка, не знаю, красны или белы, наняли в Монголию армию солдат [видимо, речь идёт о подразделениях барона Унгерна. – Авт.]. Они ему сожгли лавочку, он по-русски хорошо говорил, а когда лавочку сожгли ему, деньгами, кому печку клал, – они ему помогли. Он опять открыл лавочку, только за границей, а не здесь, там деревня к деревне рядом. Он здесь [в Китае] открыл лавочку, вот в то время он встретил маму, она за него ушла, молоденька ушла, ещё 17 не было, 16 лет – вот так. Вот так в Китае и остались. Потом граница закрылась»* (пер. с кит.).

«Меня зовут Лидя, фамилия по отцу Широкова. Отец – Широков Александр, он китаец, в Союзе был, тама-ка, а хтознает, что в Союзе делал, раньше молоды были, не рассказывал. Мама – Корытникова Анна Ильинична. Отец по-русски ой хорошо говорил, он уж давно умер. Я, когда родилась, он молодой был, умер-то – ему 60 поболе было, а умер-то – мне 15 лет было. Я думаю-ка, он давно в Союзе был, молодой ещё, а потом в Китай приехал. Потом на маме женился, там немного был, работал, он неграмотный был, а по-русски хорошо говорил. Вот на приiske там работал, старушки его тама-ка так прозвали. Вот мама сюда приехала и вышла замуж за китайца» (пер. с кит.), – рассказывает Лидия Корытникова (王玉梅, Wang Yumei, Ван Юймэй, 1937 г. р.) из деревни Шивэй, сидя под развешенными на стене семейными фотографиями. У Лидии два сына построили на принадлежащем ей участке земли большую двухэтажную гостиницу из бруса. Но Лидия живёт в старом, вросшем в землю неказистом домике рядом, не хочет переезжать в новое жильё: здесь, в тесной комнатухе, в красном углу божница с иконами, а на стене семейные фотографии в рамках – это средоточие её мира, в окружении икон и близких лиц она живёт в родной среде.

Образы отцов-китайцев существенным образом дополняют историческую память семьи, придают ей объёмный масштаб, расширяя до истории отношений двух стран – России и Китая, двух народов – русских и китайцев. Важно также, что большинство людей, считающих себя в Трёхречье русскими, являются метисами и фактически носителями двойной русско-китайской этнической идентичности. Совершенно естественно китайские составляющие обнаруживаются во внешнем облике большинства представителей русских трёхреченцев, в их языке, сознании, бытовых и некоторых других сторонах образа жизни. Русская этничность совмещается с китайской (ханьской), образуя русско-китайский этнический комплекс. В каждом индивиде эта двойная русско-китайская этничность сформирована индивидуально своеобразным сочетанием элементов. Такое сочетание динамично, процессуально и ситуативно. При определённых ситуациях может актуализироваться та или другая сторона двойной идентичности. Фотографии старших родственников-мужчин – китайцев, воспоминания об их родине, судьбе и личных качествах актуализируют и фундируют китайскую составляющую двойной этнической идентичности русских Трёхречья.

ВЫВОДЫ И ДИСКУССИЯ

В этнолокальной группе русских Трёхречья мемораты и семейные фотоархивы сохранили в китайской среде тесную связь с русской традицией нарративизации и экспонирования семейных фотоколлекций. Семейные фотографии, которые были сохранены в условиях жестоких репрессий в отношении русской диаспоры в период Великой культурной революции и не утрачены позднее в годы новых культурных веяний, являются для многих семей ценностью высокого порядка, реликвией. Устное повествование, нарратив по фотографиям вместе с фотографиями представляют собой важный аудиовизуальный источник изучения культуры как отдельной семьи, так и этнической группы.

Мемораты по семейным фотографиям в разных исторических, политических, религиозных, нравственных, этнических и иных контекстах своего бытования могут выполнять разные функции. В этнических контекстах мемораты по семейным фотографиям сопряжены прежде всего с этническим содержанием духовной культуры носителей памяти, поэтому их функции сводятся прежде всего к *этноинтегрирующей* и *этнодифференцирующей* функциям.

В семьях русских Трёхречья мемораты и связанные с ними фотоархивы соединяют личность рассказчика с русскими старшими родственниками, в первую очередь – по женской линии, с мамами и бабушками, а через них – со страной исхода, Россией, русским народом, его культурой и историей. Меморат и фотография русских родственников акцентируют инаковость рассказчика по отношению к Китаю и китайцам. Тем самым мемораты по семейным фотографиям являются для этнолокальной группы русских, существующей в китайской среде, основой не только их семейно-родовой, но и этнической идентичности.

Специфической особенностью этнической общности, которая называет себя в Трёхречье русской, является в большинстве случаев двойная, русско-китайская,

этническая идентичность, обусловленная семейным прошлым, в основе которого лежит брак русской женщины и китайского мужчины. Поэтому рассказы о старших родственниках мужчинах, отцах и дедушках, их фотографические образы соединяют личность рассказчика с китайской малой родиной предков, с Китаем, китайцами и их культурой.

Так гендерные составляющие повествования о семейном прошлом и гендерные визуальные фотографические образы семейной группы в своеобразных этнокультурных условиях Трёхречья, с одной стороны, раскрывают общие закономерности функционирования меморатов в этническом контексте, а с другой – выявляют специфику функционирования нарративов, обусловленную особенностями культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ЗАБИЯКО, А. А., ЗАБИЯКО, А. П., ЗИНЕНКО, Я. В., ЧЖАН ЖУЯН (2016): «Семейные мемораты русских Трёхречья как основа реконструкции исторических процессов и этнокультурной идентификации в китайской среде», *Россия и АТР*. № 3. С. 158-169.
- ЗАБИЯКО, А. П., ЗАБИЯКО, А. А. (2017): *Русские Трёхречья: основы сохранения этнической самобытности*. Издательство ИАЭТ СО РАН. Новосибирск.
- КЛЯУС, В. Л. (2015): *Русское Трёхречье» Маньчжурии: очерки фольклора и традиционной культуры*. ИМЛИ РАН. Москва.
- КРУТКИН, В. Л. (2009): «Снимки домашних альбомов и фотографический дискурс», *Визуальная антропология: настройка оптики* / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. ООО «Вариант», Москва. С. 109-125.
- ЛИНЬ, ЦЗИН. 林京 (2015): *Цзоу Цзинь Цзы Цзинь Чэн Дэ Шэ Ин Шу 走进紫禁城的摄影术 (Фототехника в запретном императорском городе)*. Пекин 北京.
- ЛУРЬЕ В. Ф., НИКОЛАЕВ О. Р. (2011): «"Похоронили хорошо?". О похоронных фотографиях в русской культуре», *60 параллель*. № 4(43). С. 70-77.
- ФЭН, ХУАН. 冯荒 (1982): «Гуан Юй Чжэнь Гуй Фэй Сяо Сян 關於珍貴妃肖像 (Сохранившийся портрет второй жены императора Чжэнь)», *Цзы Цзинь Чэн Юе Кань 紫禁城月刊 (Цзыцзиньчэн)*. № 1. 頁. 年第一期.
- ЧИСТЯКОВА, В. П. (2012): *Семейная фотография второй половины XIX – начала XX века в России: опыт этнологического и источниковедческого анализа*: Авт. дис. канд. ист. н. МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва.

BIBLIOGRAPHY

- CHISTYAKOVA, V. P. (2012): *Semeynaya fotografiya vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka v Rossii: opyt etnologicheskogo i istochnikovedcheskogo analiza*: Avt. dis. kand. ist. n. MGU im. M.V. Lomonosova. Moskva.
- FEN KHUAN. 冯荒 (1982): «Guan YUYe CHzh-en' Guy Fey Syao Syan 關於珍貴妃肖像 (Sokhranivshiysya portret vtoroy zheny imperatora CHzh-en')», *TSzy TSzin' CHen YUYE Kan' 紫禁城月刊 (TSzytszin'ch-en)*. № 1. 頁. 年第一期.

- KLYAUS, V. L. (2015): «*Russkoye Trëkhrech'ye*» *Man'chzhurii: ocherki fol'klora i traditsionnoy kul'tury*. IMLI RAN. Moskva.
- KRUTKIN, V. L. (2009): «Snimki domashnikh al'bomov i fotograficheskiy diskurs», *Vizual'naya antropologiya: nastroyka optiki* / Pod red. E.R. YArskoy-Smirnovoy, P.V. Romanova. OOO «Variant», Moskva. S. 109-125.
- LIN'' Tszin. 林京 (2015): Tszou Tszin' Tszu Tszin' Chen De She In Shu 走进紫禁城的摄影术 (Fototekhnika v zapretnom imperatorskom gorode). Pekin 北京.
- LUR''E, V. F., NIKOLAEV, O. R. (2011): «“Pokhoronili khorosho”. O pokhoronnykh fotografiyakh v russkoy kul'ture», *60 parallel'*. № 4(43). S. 70-77.
- ZABIYAKO, A. A., ZABIYAKO, A. P., ZINENKO, YA. V., CHZHAN ZHUYAN (2016): «Semeynyye memoraty russkikh Trëkhrech'ya kak osnova rekonstruktsii istoricheskikh protsessov i etnokul'turnoy identifikatsii v kitayskoy srede», *Rossiya i ATR*. № 3. S. 158-169.
- ZABIYAKO, A. P., ZABIYAKO, A. A. (2017): *Russkiye Trekhrech'ya: osnovy sokhraneniya etnicheskoy samobytnosti*. Izdatel'stvo IAET SO RAN. Novosibirsk.